

Несколько самых общих замечаний об «Антологии анонимных текстов»¹

Это не статья. Передо мной объект – «Антология анонимных текстов». Я смотрю на этот объект, не открывая его, и думаю о том, как и чем антология анонимных текстов современной поэзии могла бы пригодиться ученому-исследователю, например лингвисту. На этом этапе у меня явное недоумение: если анонимные тексты, то зачем антология, если тексты для лингвистики, то зачем книга? Предположим, я хочу проверить, в каких сочетаниях употребляется и как концептуализируется то или иное слово, или хочу проверить, чем отличается падежная дистрибуция в XXI веке от первой половины XX, или мне интересно, действительно ли поэты отказываются от я или, напротив, вновь к нему возвращаются. Для этого мне не нужны имена: они могут быть, но их может и не быть – анонимность вполне подходит, но для объективности картины мне мешает отбор текстов, стратегия антологизирования. Удобнее бы было иметь полный корпус современных текстов и на носителе.

Тогда я открываю книгу и пытаюсь в самом общем виде посмотреть, какие темы могли бы заинтересовать ученых, занимающихся лингвопоэтикой, когнитивной поэтикой или теорией языка. Прежде всего здесь я вижу отзвук проблемы опознаваемости текста, в том числе опознаваемости по минимальному тексту, о которой столь много спорили в структурной лингвистике и поэтике, но затем забыли. С проблемой опознаваемости текста по минимальному отрезку были связаны такие понятия, как идиостиль²,

1 Исследование выполнено при поддержке РФНФ (проект № 16-24-10001 "Параллельные процессы в языке современной русской и китайской поэзии").

2 Григорьев В.П. Грамматика идиостиля. В. Хлебников. М., 1983. – 224 с.

идиолект³. Но на основании антологии вряд ли можно найти универсальный критерий опознаваемости и еще менее выработать единый подход к минимальному количеству текста, по которому он может быть опознан. Условно говоря, для опознания одного автора достаточно одной-двух строк или характерного сочетания слов, для опознания другого – страницы, а третьего – и подборки недостаточно.

В то же время эксперимент по опознаваемости в анонимной антологии, в отличие от слепого тестирования, не может считаться чистым. Дело в том, что у поэта, который посылает свои стихи в анонимную антологию, могут быть две диаметрально противоположные стратегии. Один поэт, озабоченный предъявлением собственных маркированных (брендовых) приемов, будет работать на узнавание, и в результате концентрация маркеров, по которым его можно узнать, будет выше, чем в его обычном тексте. Другой поэт вовлечется в игру в прятки и будет намеренно писать текст так, чтобы его не узнали, либо избегая характерных «именных» приемов, либо (что тоже весьма вероятно) используя предложенную литературную игру как ситуацию гетеронимии⁴ и возможности попробовать себя в поэтике, отличной от обычной, например, меняя гендерные роли или возрастную идентичность. В самом предельном случае такая игра может дать примеры написания поэтом стихов в стиле какого-то другого поэта специально, чтобы критики перепутали.

Здесь, разумеется, не берутся случаи, когда поэт дает в антологию уже готовые, но ранее не опубликованные тексты, но и тогда в самом их отборе может реализоваться стратегия либо на узнавание, либо на сокрытие авторства.

Все это, однако, не отменяет возможности поставить вопрос о том, насколько влияет на оценку текста и внимание к нему знание или незнание авторства. Действительно, анонимность частично усугубляет вопрос о

3 Золян С.Т. К проблеме описания поэтического идиолекта (на материале поэзии Л. Мартынова) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.45. 1986. № 2. – С. 138-148.

4 После Пессоа // Фернандо Пессоа. Алваро де Кампуш. Морская ода. М., Ад маргинем пресс. С. 143-158.

лигитимации. Исследователь ждет подвоха от составителя и склонен видеть в части предложенных текстов «незаконно» попавшие в антологию. Похожий когнитивный феномен при чтении подобной антологии возникает не только у исследователя, но и обычного читателя. Из каждого текста можно так или иначе реконструировать субъект. Основной субъект, который реконструируется из подобного текста, это его составитель. Безусловно, при любом составлении, даже не анонимном, появляется дополнительный субъект. Редактор поэтического журнала,

557

определяющий как последовательность подборок, так и последовательность текстов внутри подборки, выступает как второй субъект текста⁵. Но в данном случае составитель – это не серый кардинал, это настоящий демиург, у которого развязаны руки настолько, что он может расписать роли в последовательном развитии динамического сюжета. Поэтому мы должны рассматривать этот опыт не как антологию, а как собственно поэтический опыт *ready made*, попытку создать даже не гипертекст, а собственно авторский текст с использованием чужих голосов, что оказывается вполне в русле современных трендов поэзии. Так антология перестает быть анонимным текстом, а становится поэтической композицией Виталия Кальпиди. Отсюда тот когнитивный феномен чтения, о котором я говорила: читатель, имея одного автора, настроен не на различие (различание) текстов, а на поиск их сходства, однородности. И такая стратегия чтения, безусловно, приносит плоды. Читатель всегда находит то, что ищет, в данном случае единого субъекта и его поэтику.

Но есть и определенный анахронизм. Сейчас, после пресловутого антропоцентрического поворота, когда слово *субъект* уже стало центральным в исследованиях поэзии, чему не противоречит ни бессубъектность, ни так называемый расщепленный субъект, не предполагает ли настойчивое

5 Издательства, издания и литературная жизнь // Поэзия. Учебник. / Н.М. Азарова, К.М. Корчагин, Д.В. Кузьмин, В.А. Плунгян и др. М., ОГИ, 2016. С. 825-832.

подчеркивание анонимности возвращения к апологии текста с его пресловутой «смертью автора»?

С этим связан еще один интересный поворот – соотношение устного и письменного. Что такое анонимный текст стиха сегодня? Заведомо ли это письменный текст? Возможно ли воспринимать сегодня письменный текст, если это не визуальная поэзия или видео-арт, без его авторского прочтения пусть даже и гипотетического? Нужно ли чтение вслух подобных текстов? Как, кем и на каких основаниях такой текст может быть озвучен? Скорее всего, если следовать тому, что это авторский текст Виталия Кальпиди, то озвучен он должен быть именно им, что приведет к еще более резкому водоразделу между анонимными частями внутри антологии и их возможному последующему бытованию в конвенциональном поэтическом пространстве как вновь открытых авторских текстов.